

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 101.1:316

Ф. БРОДЕЛЬ ОБ ИСТОРИИ КАПИТАЛИЗМА

В.В. Чешев

Томский государственный
университет

chwld@rambler.ru

В статье рассматривается исследование Ф. Броделем истории капитализма в Европе с точки зрения формирования этики капитализма. Французский историк не обращается напрямую к этическому содержанию капитализма, он стремится показать, что становление капитализма стало победой новых социальных иерархий. При этом он указывает на ряд социальных условий структурирования новых элит, и обращение к этим условиям позволяет анализировать складывавшиеся в указанных социальных группах этические установки. Определенные этические ценности объединяют представителей «непрозрачной зоны рынка», с которой Ф. Бродель связывает появление капитализма. С другой стороны, завоевание общества капитализмом предполагает поддержку с его стороны новых этических установок, идущих на смену этосу феодального общества. Формирование нового мировоззрения, утвердившегося сначала через ценности Реформации и в последующем через секулярное мировоззрение эпохи Просвещения, оказывается проблемным полем для исследования этоса капитализма, который предстает как специфический продукт европейского культурного развития.

Ключевые слова: рынок, рыночная экономика, капитализм, социальные иерархии, этос капитализма.

В ходе рассмотрения возникновения и этической природы капитализма нельзя пройти мимо трудов Ф. Броделя, особое значение которых определяется позицией самого историка. В частности, он скрупулезно исследует экономическую историю западной Европы, сопоставляя ее одновременно с экономической историей других стран. Достоинство сочинений Ф. Броделя во многом определяется методологией «школы анналов», стремившейся к «всеобщему историческому синтезу», т. е. к исследованию истории общества как целого с множеством его внутренних связей, стремившейся также к исследованию культурно-исторических установок сознания, т. е. ментальных установок индивидов и общественных групп. Исто-

рический анализ такого рода приобретает интегральный характер и сближается с исследованием социологическим, культурно-психологическим и т. п. Французский историк не ставит своей задачей построение той или иной историческо-социологической модели развития общества, его задача заключается скорее в построении интегрального всеобъемлющего образа исследуемого явления и его динамики. Предметом исследования в трехтомном «сочинении жизни» Ф. Броделя, названном «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.», является экономическая история Западной Европы, представленная в контексте развития общественной жизни и в связи с экономикой других стран.

Прослеживая историю европейской экономики, Ф. Бродель указывает на социально-исторические условия, в которых она совершается. Главная же задача исследования – раскрыть становление капитализма как экономического устройства европейского общества, европейской цивилизации, указать по возможности на всю совокупность исторических обстоятельств, которые способствовали его появлению. Французский историк не склонен руководствоваться марксистским представлением о законах общественного развития. Точно так же он критически воспринимает веберовскую концепцию «духа капитализма». Это не означает, что у Ф. Броделя нет своего концептуального видения исследуемого общественного процесса. Это видение последовательно обосновывается им в трехтомном исследовании, но сама концептуальная схема кратко и по существу изложена в трех лекциях, прочитанных в 1976-й и изданных под общим названием «Динамика капитализма».

Крайне важное положение концепции Ф. Броделя заключается в принципиальном разграничении между рыночной экономикой и капитализмом. Во всяком случае, он не отождествляет капитализм и то, что названо им экономикой рынка (или рыночной экономикой). Сегодня термин «рыночная экономика» заместил в массовом употреблении термин «капиталистическая экономика». Такое замещение было вызвано, скорее всего, идеологической потребностью. Сочетание слов «рыночная экономика» звучит гораздо более благозвучно, нежели «экономика капиталистическая», поскольку оно создает подсознательную иллюзию, что рыночная экономика по сути своей направлена на интересы потребителя и своей исключительной целью имеет удо-

влетворение этих интересов, т. е. потребностей индивидов. Напротив, экономика капиталистическая, как писал М. Вебер, имеет своей целью получение наживы. Такая терминологическая игра пошла на пользу капитализму, но в нашем исследовании нам важна суть дела, а не языковые маскировочные сети.

Итак, Ф. Бродель различает рыночную и капиталистическую экономику. Но этим не ограничивается его концептуальная схема, поскольку он вводит представление *о трех уровнях* экономической жизни в обществе. Низший базовый уровень, названный Ф. Броделем «материальная цивилизация», представляет собой сферу производства и потребления, для которой французский историк пользуется также терминами «повседневность» и «структуры повседневности»: «Исходным моментом для меня была повседневность – та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая себе в том отчета, – привычка или даже рутинка, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами собой, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Я полагаю, что человечество более чем наполовину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимые действия, передававшиеся по наследству, накапливающиеся без всякого порядка, вторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить – и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования» [1, с. 13].

В культурном контексте этот мир повседневности может быть назван миром традиций, которые непрерывно воспроизводятся в многообразии действий, под-

держивающих как физическое (материальное) существование людей, так и установки сознания. С одной стороны, материальное поддержание жизни посредством хозяйственной деятельности является общим условием существования всех человеческих сообществ. С другой стороны, в этих воспроизводимых действиях отпечатаны и реализуются ценностные установки общества, эта жизнь не существует вне культуры, она пронизана культурой, вне которой понимание названной повседневности станет невозможным. Последнее обстоятельство отразилось через проявление культурных доминант общества в хозяйственной этике, что и было предметом исследования М. Вебера. Но Ф. Броделя мало интересует названная сторона структур повседневности, т. е. жизнь идей и верований, которую собирався описать его учитель и один из основателей исторической «Школы анналов» Люсьен Февр (как сообщает сам Ф. Бродель). Нашего историка интересует другое, именно, выход за пределы названных структур материальной жизни в мир обмена, в мир рынка и рыночной экономики.

Рыночная экономика, она же экономика рынка в представлении Ф. Броделя, надстраивается над материальной цивилизацией, над жизнью людей и вещей: «Между “материальной жизнью” (в смысле самой элементарной экономики) и экономической жизнью располагается поверхность их контакта. Это не сплошная плоскость, контакт материализуется в тысячах неприметных точек – рынках, ремесленных мастерских, лавках... Такие точки суть одновременно и точки разрыва: по одну сторону лежит экономическая жизнь с ее обменами, деньгами, с ее узловыми точками и средствами более высокого уровня – торговыми городами, биржами и ярмарками, по дру-

гую “материальная жизнь”, не-экономика, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности. Экономика начинается с порогового уровня “меновой стоимости” [2, с. XIII]. Это некая самостоятельная сфера, предстающая как сфера обменов, и экономика рынка выступает в названной функции, т. е. как экономика обменов. Как утверждает французский историк, материальная цивилизация и рынок соединены узкими воротами, пройдя которые вещь словно претерпевает некий обряд инициации и начинает новую жизнь. Эта новая жизнь вещей в сфере обменов определена меновой стоимостью вещи (товара) и деятельностью по реализации названной меновой стоимости. Внутри материальной цивилизации вещи интересны потребительской стоимостью, возможностью их использования. В сфере рынка они интересны только одной своей способностью, именно способностью быть реализованными в соответствующей транзакции обмена Т-Д-Т. Однако этот процесс зависит не только от потребительских свойств вещи, поскольку сегодня в условиях капиталистического производства потребление приобрело также и символические функции, о которых сказано не только Ж. Бодрийяром. Сегодня через рекламу и другие психологические ухищрения рынок «впаривает» нам массу вещей, практически не очень нужных или даже излишних в материальной сфере, но важных как некие социальные символы.

Конечно, граница между рынком и материальной цивилизацией может пересекаться в обоих направлениях. Как полагает Ф. Бродель, «все, что осталось за пределами рынка, имеет лишь потребительскую стоимость, все, что сумело пройти в его тесные врата, приобретает обменную стоимость. В зависимости от того, с какой сто-

роны элементарного рынка находится индивид, он будет или не будет участником обмена, того, что я называю *экономической жизнью*, в отличие от *материальной жизни*, но также и в отличие от капитализма... Странствующий ремесленник, предлагающий то в одном, то в другом городке свои услуги плетельщика соломенных стульев или трубочника, будучи весьма скромным потребителем благ, все же принадлежит миру рынка – именно к нему он обращается за ежедневным пропитанием. Если у него сохранились связи с родной деревней и на время жатвы или сбора винограда он возвращается к крестьянскому труду, то значит, он снова пересекает границу рынка, только в обратном направлении. Крестьянин, который регулярно сам реализует часть своего урожая и регулярно покупает орудия труда и одежду, уже принадлежит рыночной сфере. Тот же, кто едет в город продать немного продуктов, яйца, птицу, чтобы уплатить налоги или купить лемех для плуга, лишь приближается к границе рыночной сферы, оставаясь частью огромной массы натурального хозяйства» [1, с. 23–24].

Рынок необходим человечеству, он соединяет производство и потребление. Но в сфере рынка, как полагает Ф. Бродель, можно выделить два уровня обменов, два этажа. Внизу рынка – лавки, магазины, торговцы вразнос, наверху – ярмарки и биржи. Но во всем этом самом по себе еще нет капитализма. Как полагает Ф. Бродель, капитализм формируется на верхнем этаже рынка и обретает статус особой непрозрачной сферы, подчиняющей себе рынок и искажающей его в своих интересах: «Что же касается той реальности Старого Порядка, которую я – правильно или неправильно – называю капитализмом, то она принадлежит блестящему, усложненному, но весьма

узкому слою, не охватывающему всей экономической жизни и не создававшему – здесь исключения лишь подтверждают правило собственного “способа производства”, который обладал бы внутренней тенденцией к самораспространению» [1, с. 44] (выделено мной – В.Ч.).

Здесь следует обратить внимание на весьма важное утверждение, что капитализм не создавал собственного способа производства. Этим отвергается марксистская версия капитализма, трактующая его именно как особый способ производства. Более того, в рамках представлений французского историка нужно отказаться от рассмотрения промышленного производства как исключительного достижения и достоинства капитализма. Прав ли французский историк – этот вопрос требует обсуждения. Но в этом пункте соображения Ф. Броделя весьма недвусмысленны, хотя изложены довольно деликатно. В частности, во второй части своего сочинения историк обращается к понятиям «капитал» и «капитализм». Отмечая дискуссионность названных терминов, Ф. Бродель дает им свои определения. В частности, капитал он определяет как «ощутимую реальность, совокупность легко идентифицируемых средств, постоянно находящихся в работе; капиталист – это человек, который управляет или пытается управлять включением капитала в непрерывный процесс производства, на поддержание которого обречены любые общества; капитализм – это в общих чертах – но только в общих – тот способ, которым производится – обычно не в самых альтруистических целях – бесконечная игра такого включения» [1, с. 53]. Еще раз отмечу осторожное выражение Ф. Броделя, что бесконечная игра такого включения производится «обычно не в самых альтруистических целях». Наш современник, видящий нынешние кризисы и

задумывающийся об их основаниях, будет склонен согласиться, что цели действительно «не самые альтруистические».

Экономика обменов существует везде во всем мире. Но капитализм возник не везде, он формировался в европейской экономике, в европейском обществе, в европейской культуре. Поэтому Ф. Бродель важно указать не только на возможность появления капитализма как непрозрачной надстройки над сферой рынка, но и на условия, превращающие эту возможность в действительность. Разъясняя превращение этой *игры включения капитала* в непрерывный процесс воспроизводства в рамках рыночной экономики, Ф. Бродель указывает на разные условия для такого включения, имеющиеся на разных этапах рынка. Нижний уровень обменов, названный им «формой А», предполагает повседневную местную торговлю, имеющую локальный характер. Она открыта для всех и часто представляет собой торговлю из рук в руки. Это гласный и прозрачный общественный рынок, относительно легко контролируемый властью, заинтересованной в поощрении собственного производства. На уровне «А» действует принцип свободной конкуренции, поскольку на этом уровне есть прямая связь между производителем и потребителем, и потребитель может искать своего производителя. Примером другого уровня торговли, названного «формой В», является торговля на большие расстояния, сделки на бирже и т. п., когда концы цепи «производитель–потребитель» контролируются только участвующим в ней дельцами.

Первый вид рынка может быть назван коллективным, общественным, он прозрачен и легко контролируется властью. Второй вид рынка может быть назван частным, он непрозрачен, он контролируется только

участниками сделок. «О том, что этот вид обмена влечет замену условий коллективного рынка системой индивидуальных сделок, сроки которых произвольно меняются в зависимости от положения каждого из участников, недвусмысленно свидетельствуют многочисленные процессы, возбуждаемые в Англии по поводу расписок, выданных продавцами. Очевидно, что речь идет о неэквивалентных обменах, в которых конкуренция, являющаяся основным звеном так называемой рыночной экономики, не занимает подобающего места и где торговец обладает двумя преимуществами: он разрывает прямую связь между производителем и конечным потребителем продукции (только ему известны условия сделок на обоих концах промежуточной цепи, а следовательно, и ожидаемая прибыль), а кроме того, у него есть наличные деньги, и это его главный аргумент» [1, с. 58]. На верхнем этапе торговли (форма В) возникает та непрозрачная зона, которую Ф. Бродель называет капитализмом. Там из крупных прибылей «складываются значительные накопления капиталов, тем более что доходы от торговли на дальние расстояния делятся между всего несколькими партнерами. Не каждому дано войти в их круг. Напротив, местная торговля распределяется между множеством участников» [1, с. 59]. В ходе таких процессов «во всех странах мира из массы торговцев отчетливо выделяется группа крупных негодичантов, с одной стороны, весьма немногочисленная, а с другой – по-прежнему связанная, помимо прочих видов деятельности, с торговлей на дальние расстояния» [1, с. 60].

Экономика рынка (не капитализм, а экономика обменов) в ходе своего естественно-го развития обрела собственную иерархию и структуру. Снизу доверху – это масса

специальностей, обслуживающих рынок, от грузчиков, докеров, разносчиков, возчиков, матросов до кассиров, лавочников, маклеров всех разновидностей и названий, ростовщиков и, наконец, негоциантов. Однако разделение труда, как отмечает Ф. Бродель, быстро возрастающее по мере развития рыночной экономики, затрагивает все это торговое сообщество, за исключением его верхушки – негоциантов. Последний в зависимости от обстоятельств – судовладелец, хозяин страховой конторы, заимодавец или получатель ссуды, финансист, банкир или даже промышленник или аграрий. Этому рассмотрению Ф. Бродель подводит следующий итог: «Налицо два типа обмена: первый, приземленный, подчиненный конкурентной борьбе, постольку гласный, второй – высшего порядка, крайне сложный, *стремящийся к господству*. Ими управляют совершенно разные механизмы и люди, и *лишь ко второму, а не к первому, относится сфера капитализма*» [1, с. 66–67] (выделено мной – В.Ч.).

Итак, капитализм, по Ф. Броделю, формируется на высшем этаже рынка, причем капитализм изначально видит свою цель в подчинении рынка, в его регуляции (искажении) в собственных интересах. Капитализм, как отмечает Ф. Бродель, есть нечто даже «противорыночное», изначально стремящееся к монополизации обмена, его контролю и регуляции в собственных интересах. Сфера его управляющих воздействий будет возрастать по мере расширения границ рыночной экономики. Все, что проходит через узкие ворота, соединяющие производство и рыночный обмен, становится регулируемой капитализмом зоной. По этой причине он стремится по возможности все превратить в товар, все сделать предметом товарно-денежного обращения,

приносящего прибыль. Об этой стороне капитализма, об этом золотом микробе, проникающем глубоко в общество и старающемся усилиями капитализма пропитать все общество, написано много.

Итак, капитализм, по Ф. Броделю, возникает на вершине рыночной экономики и изначально представляет собой некую непрозрачную зону, ставящую под контроль рыночный обмен. Но капитализм не может существовать без капиталистов, и если капитализм в силу тех или иных исторических обстоятельств завоевал общество, то такой процесс не мог происходить без приложения усилий лиц и групп, пребывающих в этой самой непрозрачной зоне. Здесь в полном соответствии с методологией школы анналов в историческом исследовании возникает социологический срез, позволяющий указать на некоторые особенности общественных процессов укоренения капитализма в обществе. Ф. Бродель указывает на формирование соответствующей социальной группы в ходе возрастания капитализма. Все это совершалось в условиях доминирования феодальной элиты и подчинялось правилам, характерным для социальной иерархии феодализма. Рядом с кланом феодалов, наследовавших землю (основное богатство феодального периода), формировались кланы негоциантов, новых богачей, будущие капиталистические кланы, которые во многом подражали кланам феодалов даже приобретением земли, гербами на каретах и т. п. Но эта новая знать была выключена из властной иерархии, она могла лишь встраиваться в феодальные структуры, используя то, что имела, т. е. денежные средства и контролируемые структуры рынка. Примером могут служить семейства Фугтеров и Вельзеров в Германии, тесно связанные с ко-

ролевской властью и дававшие ей огромные займы (разумеется, не бескорыстно). Быстро богатеющие кланы непрозрачной верхушки капитализма не могли не соотноситься определенным образом с феодальными кланами, и почвой таких взаимоотношений были деньги и власть.

Как полагает Ф. Бродель, экономическое завоевание общества капитализмом началось из верхней теневой зоны рынка. Более того, в сочинении французского историка высказывается мысль, что «подлинная судьба капитализма была в действительности разыграна в сфере социальных иерархий» [1, с. 71]. В последнем случае требуется ответить на вопрос, почему новые иерархии смогли завоевать общество только в Европе, в то время как рыночные структуры и крупные негоданты имели место во всех исторических обществах? Ответ Ф. Броделя заключается в указании на совокупность исторических социальных и культурных факторов, можно сказать, уникальную совокупность таковых, имевшую место только в Европе. Одним из этих особых обстоятельств стало взаимоотношение феодальных и новых буржуазных элит, которое не наблюдалось в других обществах. С одной стороны, в Европе власть нередко оказывалась в определенной зависимости от денежных займов, предоставляемых торговыми домами, как то было, например, при финансировании домом Фугтеров «избирательной кампании» Карла V. Другой сферой взаимодействия новых и старых кланов было участие феодальной знати в торговых операциях крупных негодантов, в частности, ее участие в торговле на дальние расстояния, что характерно, например, для экономической и политической истории Англии. Напротив, в других обществах власть ограждала себя от торго-

в купеческого класса, не пропуская его представителей во властные структуры. В Китае, как указывает Ф. Бродель, капитализм не мог получить перспектив, поскольку конкурсная система избрания в правящую бюрократию хотя и создавала некие социальные лифты, тем не менее не принимала в свою систему продвижение по принципу приобретения богатства. Наоборот, в Англии кланы капиталистов нашли взаимодействие с аристократической верхушкой на почве совместного участия в прибылях, получаемых от торговли на дальние расстояния, и в ряде других операций, и английский капитализм формировался на основе определенного консенсуса старых и новых элит. В конце концов, как утверждает Ф. Бродель, «капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством» [1, с. 69].

Для завоевания общества новые элиты должны были заручиться его поддержкой, без которой их победа была бы проблематичной. Как пишет Ф. Бродель, «будучи привилегией немногих, капитализм немислим без активного пособничества общества... Ибо необходимо, чтобы в известном роде все общество более или менее сознательно приняло его ценности. Однако такое случается не всегда» [1, с. 68]. Здесь французский историк произносит важное для нас слово «ценности». Действительно, всякие социальные группы, включая и названные Ф. Броделем новые иерархии, приобретают сплоченность принятием определенных жизненных смыслов, выраженных в религии, в быту, в искусстве, наконец, в мировоззрении и идеологии, позволивших капитализму завоевать общество. В этом пункте анализа становится важным вопрос, какую этику предложил капитализм, ибо

новая идеология стала лишь оформлением новых жизненных ценностей. Французский историк скептически относился к исследованию М. Вебера, но в этом пункте, на наш взгляд, весьма уместно еще раз обратиться к исследованию немецким социологом «духа капитализма». Общество – сложная система, и преобразовательные процессы в нем могут совершаться, если в них вовлечены большие массы людей, поддерживающих преобразования по тем или иным соображениям. Поэтому процесс завоевания общества капитализмом не мог ограничиться отношениями старых и новых кланов. Восхождению капитализма требовалась поддержка достаточно широких социальных групп. Формирование такой поддержки есть предмет особого анализа, но в этом пункте неизбежно обращение к роли протестантизма в становлении капитализма, хотя сам Ф. Бродель не согласен с М. Вебером: «Все историки выступают против этого остроумного положения, хотя им и не удастся от него избавиться раз и навсегда: оно снова и снова возникает перед глазами. А между тем это явно неверное положение» [1, с. 70]. Это суждение французского историка не отменяет важного факта в истории становления капитализма и буржуазных революций, состоящего в том, что движение протестантов способствовало утверждению капитализма в европейском обществе. В борьбе с католицизмом, игравшим роль идейной опоры феодализма, Реформация дала опору определенному исходу борьбы в высших социальных иерархиях и утверждению новой социальной структуры, в которой доминирующим регулятором общественной жизни стали денежные потоки.

Необходимо обратить внимание, что французский историк высказывает решительное несогласие с отождествлением ка-

питализма и промышленной революции. Ф. Бродель вспоминает, как в одной из дискуссий молодой историк убежденно заявил, что без промышленности не было капитализма, что лишь с появлением таковой начинается и капитализм. Но, как полагает наш историк, дело обстояло иначе. Капитализм вошел в промышленность, когда она дозрела до стадии, делающей ее сферой выгодного вложения капитала. Кроме того, Ф. Бродель полагает, что в оценке соотношения капитализма и промышленного развития М. Веберу также присуща ошибка, состоящая в том, что Вебер преувеличивает роль капитализма как источника общественного прогресса. Но это ошибка не только Вебера, но прежде всего К. Маркса и Ф. Энгельса, отождествивших капитализм и промышленное развитие и представивших последнее как явление исключительно капиталистическое. Между тем промышленное общество в СССР было построено не капитализмом, а вторгшийся капитализм лишь принес ему громадные разрушения. Этот факт означает, что жизнь общества не укладывается в простые теоретические схемы. Что же касается соотношения промышленного развития и капитализма, то здесь можно обратить внимание на мысль Ф. Броделя, что «в действительности все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед вслед за ней, в свою очередь, быстро усиливается рыночная экономика, расширяя свои связи. Однако от этого роста выплывает капитализм» [1, с. 67]. Мы вправе предположить, что машины и машинное производство возникали в ходе непрерывно совершающегося производственного и технического прогресса и что сами по себе они не были причиной появления капитализма. Так что есть основание

принять утверждение Ф. Броделя, что капитализм лишь подчинил себе промышленное развитие, хотя имел другие источники своего появления.

Разносторонний труд Ф. Броделя, отразивший системный взгляд «школы анналов» на историю, представляется достаточно широким, позволяющим использовать его как основание для синтеза различных представлений о природе капитализма и его становлении. Бесспорное достоинство исследования в том, что французский ученый не рассматривает экономику изолированно, он исследует ее развитие в контексте всех исторических обстоятельств социально-культурного характера, влияющих на экономические процессы. Хотя Ф. Бродель не приемлет концепцию становления «духа капитализма» на основе трудовой этики протестантизма, предложенную М. Вебером, он не может не согласиться с тем, что капитализм овладевает обществом лишь тогда, когда общество принимает жизненные принципы капитализма, поскольку те или иные общественные воззрения и общественные структуры не утверждаются сами собой. Должны были возникнуть социальные группы, заинтересованные в соответствующих изменениях, и общественные условия для того, чтобы желаемые изменения могли произойти. Ф. Бродель указывает на социологические особенности этого процесса, в частности, на становление непрозрачной зоны капитализма с ее плотно зашторенными окнами, за которыми рождаются новые элиты, новые социальные иерархии. Он позволяет дать оценку представлению о свободной конкуренции как основном достоинстве системы капитализма. Миф о свободной конкуренции производителей, создающих потребительское изобилие, является фун-

даментальным и особенно прочно укорененным в сознании обывателя. Однако капитализм изначально стремится к монополизму в сфере регулирования рынка, хотя ему приходится бороться с монополизмом производителя, чтобы не оказаться зависимым от него. Потому капитализм берет под контроль так называемую свободную конкуренцию производителей, оставаясь при этом в рамках антимонопольной борьбы или создавая видимость такой борьбы. Сегодня зона такой свободной конкуренции очень узка, и любое продвижение в сферу крупного капитала тотчас же сталкивается с невидимой стеной, преодоление которой ради вхождения в мир крупных капиталистических хищников поставит свои вопросы. Сфера рынка поделена; его переделом могут управлять лишь те, кто входит в «непроницаемую зону» с плотно задернутыми занавесками. Еще раз отметим суждение Ф. Броделя о соотношении капитализма и машинного производства. Капитал использовал машину и машинное производство, но не создавал их как свой специфический продукт. Вообще, как представляется, капитал в гораздо большей степени есть сила господствующая и подчиняющая, нежели творческая. Творческое начало включает в себе сама материальная цивилизация, т. е. многогранная и многоцветная жизнь.

Наконец, важный вопрос, занимающий Ф. Броделя не меньше, чем М. Вебера, и на который французский ученый дает свой ответ: почему капитализм сложился в Европе, но не возник в других обществах и культурах? Ф. Бродель объясняет названный феномен стечением обстоятельств, сложившихся в Европе. Например, специфическим проявлением особенностей жизни европейских элит было сращивание торговых семей и аристократических кланов, принявших участие в

торговых операциях, как это было в Англии. Однако, на наш взгляд, более важно, что общество приняло некую этику, в рамках которой капитализм способен не только существовать, но и господствовать. В этой сфере выходят на сцену культурно-исторические обстоятельства, позволяющие дать слово М. Веберу, а точнее, Реформации и последовавшему за ней европейскому Просвещению, которые сформировали идеологию, способную поддержать будущую плутократию и устроить общество по ее меркам. Ф. Бродель не вскрывает процесса утверждения мировоззрения, поддерживающего капитализм, он лишь указывает на ряд важных социальных условий этого процесса.

Французский исследователь дает свои аргументы для сделанного ранее важного вывода, что капитализм есть европейский вариант развития и никакой всемирно-

исторической неизбежности в себе не несет, как не несли таковую многие другие общественные структуры, имевшие место в истории человечества. Другое дело, что капитализм начал свое шествие в Европе, завоевывая мир и подавляя другие альтернативные формы развития. Капитализм нельзя исчерпать его экономическим устройством, важно понимание его этической установки, которая на первых порах становления оформлялась через трудовую этику протестантизма, о чем верно сказал в свое время М. Вебер.

Литература

1. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XXIII вв. Т.2. – М.: Весь мир, 2006.

FERNAND BRAUDEL ABOUT THE HISTORY OF CAPITALISM

V.V. Cheshev

Tomsk State University

chwdl@rambler.ru

The recognizing of history of capitalism in Europe by F.Braudel is seen in the article in the context of the formation of the ethos of capitalism. French historian does not refer directly to the ethical content of capitalism, he seeks to show that the emergence of capitalism was a victory for the new social hierarchies. However, he points to a number of social conditions structuring the new elites, and the reference to these conditions allows us to analyze forming ethical attitudes in these social groups. On the one hand, certain ethical values unite representatives of the new social hierarchy “opaque market area”, with which F.Braudel associates the appearance of capitalism. On the other hand, the conquest of society by capitalism involves public support of new ethical guidelines going to change the ethos of feudal society. Forming a new outlook was first approved by the values of the Reformation, and then by the values of secular worldview of the Enlightenment. This became a problem field to research the ethos of capitalism, which appears as a specific product of European cultural development.

Keywords: market, market economy, capitalism, social hierarchies, capitalist ethos.

References

1. Brodel' F. *Dinamika kapitalizma* [The dynamics of capitalism]. Smolensk: Poligramma Publ., 1993. 124 p.

2. Brodel' F. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV–XXIII vv.* [Material civilization, economics and capitalism, XV–XXIII centuries]. T. 2. Moscow: Ves' mir [The Whole world], 2006.